

ТЕТРАДЬ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

ВАЕЦЕ

11 вопросов для обсуждения за субботним столом

Одиннадцать вопросов из урока рава Рафаэля Бенизри «Ваеце — противостояния праотцов»: каждому из праотцов отвечает сила, которая его оспаривает, и последняя, Лаван, не противостоит истине в открытую: она её отбеливает и переводит. Башня без неба, двенадцать спаянных камней, белая страница — и то, что передаётся нетронутым от отца к сыну.

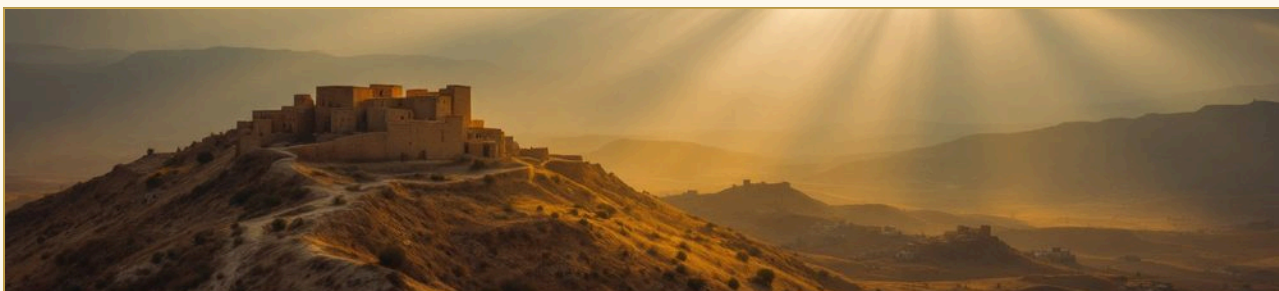
Рав Рафаэль Бенизри

Содержание

Темы для размышления и вопросы для обсуждения за столом главы Ваеце

-
01	Иудаизм без границ?
02	Три противника для трёх праотцов
03	«Дочери — мои дочери»
04	Пуповина мира
05	Закон без неба
06	Башня для себя, жертвенник для Него
07	Двенадцать камней — один
08	Белое и чёрное
09	Сердце и пятьдесят путей
10	Тот, кто хотел бы всё перевести
11	Эвен: отец и сын
-

Иудаизм без границ?

ВВЕДЕНИЕ

Яков уходит по двум причинам: бежать от угроз Эсава и искать жену в кругу еврейской семьи. Во втором мотиве рав усматривает опасность: остаться привязанным к прежнему родству, а не к земле.

ВОПРОС

Можно ли быть собой за пределами своих границ, и чем рискует иудаизм, который хотел бы быть совестью мира откуда угодно?

ОТВЕТ

«Всякий, кто живёт вне Земли Израиля, — словно у него нет Б-га» (Ктубот 110б).

Риск — это иудаизм космополитический, без национальных границ, без национального образования, который хотел бы и дальше быть совестью мира. А воля Б-га, когда Он направил Авраама в землю видения, была совсем иной: сначала национальное образование, а затем, из этого места, пытаться излучать свет.

Вне наших границ мы вынуждены считаться с мыслью других, и есть возможность утопить чистоту Б-жественной вести под одеждами, под оболочкой, которая относится больше к казаться, чем к быть.

Поэтому и сказано, что живущий вне Земли — словно у него нет Б-га: он не может выразить себя полностью, ясно, чётко, без примеси культуры народа, среди которого живёт. Рав замечает, что сегодня можно услышать, как некоторые называют себя евреями, но христианской культуры.

ВЫВОД РАВА

Мы не можем быть собой вне наших границ.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Где бы мы ни жили, мы несём на себе отпечаток окружающей культуры. Какой из них у нас в итоге покрыл что-то в нашей идентичности? И что, напротив, осталось нетронутым?

Три противника для трёх праотцов

ВВЕДЕНИЕ

Каждому из праотцов отвечает сила, которая его оспаривает. У Авраама, Ицхака и Якова — у каждого своё свойство, и против каждого встаёт соперник. Последний, показывает рав, труднее всего поддаётся определению.

ВОПРОС

Почему противник Якова — Лаван, и почему противостоять ему труднее, чем Ишмаэлю или Эсаву?

ОТВЕТ

«Явишь истину Якову, милость — Аврааму» (Миха 7:20).

Есть три силы, соперничающие с тремя праотцами. Против хеседа Авраама, его доброты, встаёт Ишмаэль. Против строгости Ицхака — Эсав. А против эмет Якова, его истины, — Лаван.

Каждая из этих сил не противостоит свойству извне: она — его возможная подделка, что делает противостояние куда более трудным. Лаван не сражается с истиной в открытую: он её переводит, разбавляет, отбеливает.

Лаван — ещё и арамеец, и те же буквы дают «хитрец», «обманщик», «нечестный»: о нём говорят, что он хотел искоренить народ. Поэтому Яков хотел бы окончательно с ним расстаться.

ВЫВОД РАВА

Лаван представляет для него настоящую опасность.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Доброта может стать попустительством, строгость — жёсткостью, истина — компромиссом, который уже ничего не говорит. Какое из наших качеств больше всего рискует превратиться в свою подделку? И кто в нашем окружении помогает нам это увидеть?

«Дочери — мои дочери»

ВВЕДЕНИЕ

Имя Лаван означает «белый», «отбеливать», и наши мудрецы истолковали: он отбелит грехи сынов Израиля. Рав останавливается на этом парадоксе.

ВОПРОС

Как тот, кто хотел отнять у нас наших собственных детей, может «отбелить» Израиль?

ОТВЕТ

«Дочери — мои дочери, и сыновья — мои сыновья, и скот — мой скот, и всё, что ты видишь, — моё» (Берешит 31:43).

Что общего у нас с Лаваном, который будто бы отбелит сынов Израиля, когда сам он пытался упразднить самый смысл родства, корень преемственности в Израиле, преемственности праотцов? Всё, чего достиг Яков, Лаван объявлял своим.

И это притязание не принадлежит прошлому. Мы продолжаем переживать его в разных плоскостях, говорит рав, когда любой ценой хотят отнять у нас и землю, и наш иудаизм, наши ценности, наш дух, нашу духовность.

Противоречие, таким образом, — в самом сердце проблемы: имя, обещающее белизну, носит тот, кто хочет стереть корни. Именно его урок и будет разворачивать.

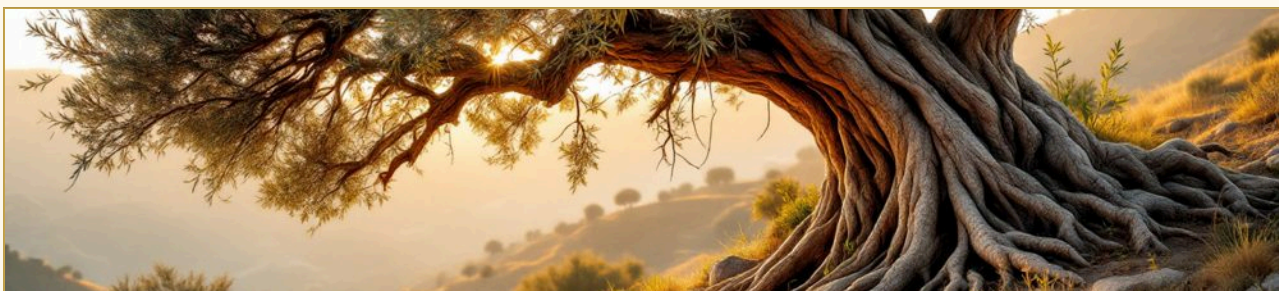
ВЫВОД РАВА

Он хотел отнять у нас наших собственных детей, он притязал на них.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Есть голоса, которые притязают на наших детей: мода, экраны, идеологии. Что у нас хочет сделать наших детей «своими» детьми? И что мы передаём им такого, что связывает их с корнями?

Пуповина мира

ВВЕДЕНИЕ

Яков берёт камни этого места. А это место, напоминает рав, — зародыш земли, связанный с ней словно пуповиной.

ВОПРОС

Какова роль Израиля по отношению к другим народам: переделать человечество или восстановить его?

ОТВЕТ

«И взял он из камней того места» (Берешит 28:11).

Подобно тому как пуповина питает ребёнка во чреве матери, Яков истиной, которую он раскрывает, призван питать другие народы, которые народ Израиля заключает в своём существе. Ибо народ Израиля — сумма всего этого человечества, и потому Яков — образ Адама.

Мы не собираемся заново переделывать человечество: мы собираемся перестроить его, заново основать на том, что уже существует. Мы хотим восстановить его таким, каким оно было изначально, и освободить от всех нечистот, накопленных за все его попытки и неудачи.

Это место — средоточие взоров человечества, то, на котором должно быть воздвигнуто Святилище: точка соединения сотворённого мира и духовности, неба и земли.

ВЫВОД РАВА

Мы не притязаем на создание нового мира.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Восстановить — не значит снести, чтобы отстроить заново. Что в нашей семье нужно восстановить, а не заменить? И что мы получили от других такого, что могли бы питать, а не отвергать?

ВВЕДЕНИЕ

Поколение Вавилонской башни тоже хотело воздвигнуть сооружение, которое служило бы ориентиром для всего человечества. Рав противопоставляет это тому, что получает народ Израиля сразу по выходе из Египта.

ВОПРОС

Может ли общество само решать, что хорошо и что плохо?

ОТВЕТ

«Построим себе город и башню, вершина которой до неба, и сделаем себе имя» (Берешит 11:4).

Вавилон хотел строить из кирпича, песка и цемента — прочные вещи. Он хотел дать человечеству закон, но исключительно земной, оторванный от всего духовного: это они строят, они определяют закон, они судят, что хорошо и что плохо.

А еврейскому народу при выходе из Египта были даны три вещи: закон, Шабат и рыжая корова. Мы не можем существовать без законодательства. Но это законодательство должно вдохновляться нравственным сознанием, воплощённым в Шабате, в чувстве святого; оно не может быть судом, решающим по собственному усмотрению: оно должно опираться на книгу Откровения.

А то, что устанавливает законы чистого и нечистого, обсуждать не приходится — уместно это или нет. Можно извлечь чистое из нечистого, но эта тайна принадлежит одному Б-гу.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Мы часто решаем, что «хорошо», исходя из того, что нам удобно. По какому вопросу мы установили собственные правила, не ища более высокого ориентира? И что изменил бы взгляд, идущий сверху?

Башня для себя, жертвенник для Него

ВВЕДЕНИЕ

Авраам уже ответил Вавилону. Его первой остановкой в земле Кнаан был Шхем, и там он построил жертвенник. Рав останавливается на выборе этого места.

ВОПРОС

Почему первым ответом Авраама Вавилону стал жертвенник, и почему в Шхеме?

ОТВЕТ

«И построил он там жертвенник Ашему, явившемуся ему» (Берешит 12:7).

Шхем — не безразличное место: именно там царство будет поколеблено, там есть опасность исказить, извратить царство, которое должно быть отражением царства небесного, чтобы оно стало царством ради самого себя, монархией.

Авраам почувствовал эту опасность. И что он сделал? Он воздвиг жертвенник, чтобы провозгласить Б-жественное единство и призвать Имя.

Вавилону, который строит башню, чтобы сделать себе имя, он противопоставляет жертвенник, который не для себя. И Яков, в момент, когда Б-г открывается ему, по-своему совершает тот же жест: он берёт камни.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

То, что мы строим — карьера, дом, репутация: это башня, чтобы сделать себе имя, или жертвенник, служащий чему-то большему, чем мы? Пусть каждый назовёт то, что он строит, и скажет, для кого.

Двенадцать камней — один

ВВЕДЕНИЕ

Яков берёт камни этого места и кладёт их себе под голову. Сколько он взял? Одни говорят — три, другие — два, третьи — двенадцать. Для рава этот вопрос — прочтение истории.

ВОПРОС

Чего ищет человек, который в ночь своего изгнания берёт разбросанные камни и хочет сложить из них единый блок?

ОТВЕТ

Все эти камни собрались в одно место и стали одним камнем (Хулин 91б).

Одни говорят, что он взял три: один за Авраама, которому не удалось из-за присутствия Ишмаэля; один за Ицхака, который так же потерпел неудачу из-за Эсава; и свой. Я, говорит Яков, хочу потомства, которое станет скрепляющим раствором дома о двенадцати гранях — возможных сочетаний букв Имени, и я хочу осуществить их единым блоком.

Третья версия говорит: ни три, ни два, а двенадцать камней, которые сами спаялись, чтобы стать одним. Этот камень — камень основания народа Израиля, камень жертвенника, место связи между высшим миром и нижним.

Это противоположность Вавилона. Башня не устояла: произошёл распад, и каждый народ унёс осколок истины. Когда мы живём вне Земли, мы всегда среди осколков истины. Но осколок истины — не истина: истина исходит из Иерусалима, и это истина Якова.

ВЫВОД РАВА

Нужно, чтобы эти камни составили единый блок.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Каждый за этим столом держит осколок истины и порой принимает его за всю истину. В чём мы считаем себя правыми в одиночку? И чем нужно поступиться, чтобы блок устоял?

Белое и чёрное

ВВЕДЕНИЕ

Другие писали о красном и чёрном. У нас, говорит рав, Тора — это белое и чёрное: талит, который мы носим, свиток Торы. А Лаван — это белое.

ВОПРОС

Что происходит с белой страницей, когда на ней пишут, и что бывает, когда написанное стирается?

ОТВЕТ

Рав: «У нас Тора — это белое и чёрное».

Белое в движении — сумма всех цветов; а сумма всех цветов в покое — это чёрное. Пока страница белая, на ней можно написать всё что угодно. С того момента, как написали, её обусловили. Тогда всё зависит от содержания.

Если написано нечто святое, страница сама становится святой. До того пергамент имел лишь рыночную стоимость; когда на нём написали свиток Торы, тфилин или мезузу, он обретает святость.

А если написанное стёрлось, свиток утратил своё назначение: по нему больше нельзя читать, тфилин больше нельзя надевать, мезузу больше нельзя держать. Но и выбросить пергамент нельзя.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Наши дети отчасти и есть эта белая страница: то, что мы на ней пишем, их обуславливает. Что мы на ней пишем, сознательно или нет? И есть ли у нас стёршийся «пергамент» — утраченная традиция, — который мы храним, не в силах выбросить?

Сердце и пятьдесят путей

ВВЕДЕНИЕ

Имя Лаван несёт два козыря, говорит рав: «лев», сердце, и «нун», числовое значение которой — пятьдесят, пятьдесят путей — не мудрости, а анализа и умозаключения. Второй — ловушка.

ВОПРОС

Можно ли подчинить закон тому, как мы его ощущаем?

ОТВЕТ

Лаван: «лев», сердце, и «нун», пятьдесят.

Горе тому, кто рассуждает лишь сердцем или хотел бы выражать свою истину только через чувства. Мысль, строгость мысли стремится быть неизменной, логичной, устойчивой, взвешенной. А чувства меняются в зависимости от настроения, от обстоятельств.

Если притязать на то, чтобы подчинить закон тому, как его ощущают и проживают, перекраивая его на все лады, — значит, на «лаван», на белизне, написали вещи, которые не выдерживают критики и ограничены во времени.

Этого и хотел Лаван: свести мысль Яакова к нравственному сознанию без народа — евреи разных культур, и не более того. Тем самым он хотел упразднить наследие предков.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

«Я так чувствую»: сколько наших решений держится на этой фразе? В каком вопросе дома наши настроения заняли место правила? И когда правило защитило нас от самих себя?

Тот, кто хотел бы всё перевести

ВВЕДЕНИЕ

Двадцать лет спустя разрыв с Лаваном скрепляется грудой камней. Яков называет её Гал-эд, груды-свидетель; Лаван непременно хочет дать ей арамейское имя. Это единственный арамейский перевод в Торе.

ВОПРОС

Почему Лаван так хочет переводить, и чем перевод может быть опасен?

ОТВЕТ

«И назвал его Лаван Йегар-Саадута, а Яков назвал его Гал-эд» (Берешит 31:47).

Между двумя людьми воздвигнута груды камней. Заключают мирный договор, но каждый отныне запрещает себе вход во внутреннюю и духовную жизнь другого. Яков называет её Гал-эд; Лаван непременно хочет дать ей арамейское имя, означающее примерно то же. Почему? Потому что он хотел бы заменить иврит универсальным языком — эсперанто, быть может.

А слово «таргум», перевод, имеет то же числовое значение, что и «тардема», глубокий сон, наркоз. Этот универсальный язык, который Лаван хотел бы дать человечеству, — лишь перевод. Он может быть только «уставами», внешним языком, не выражающим глубины мысли.

Поэтому мы всегда изучаем не по переводу, а по сути текста, по его буквам.

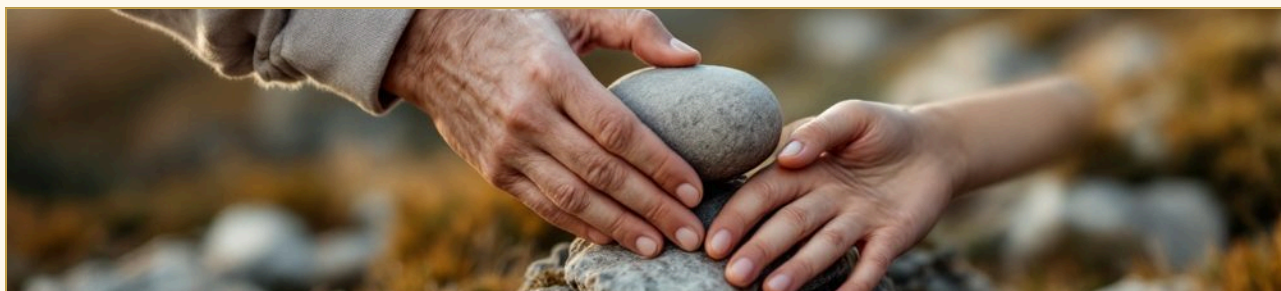
ВЫВОД РАВА

Перевод предаёт суть текста, суть языка, на котором он был сказан.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Мы переводим своё наследие на язык места, где живём, и называем это передачей. Что мы объяснили детям, потеряв по пути главное? И что нужно дать им на языке оригинала?

Эвен: отец и сын

ВВЕДЕНИЕ

Расставаясь с Лаваном, Яков стремится сохранить камень. Камень постоянно возвращается в его истории и в истории Торы. Рав читает его вплоть до самого слова, которое его обозначает.

ВОПРОС

Почему Тора передаётся на камнях, и что говорит само слово «камень»?

ОТВЕТ

«Поставь себе большие камни [...] и напиши на них все слова этой Торы» (Дварим 27:2–3).

Тора была дана на каменных скрижалях. И когда народ Израиля должен войти в свою землю, от него требуют поставить камни, на которых будет написана квинтэссенция всей Торы. Этот камень — самое основание бытия Израиля. Но для этого нужно сначала расстаться с Лаваном.

«Эвен», камень, — это «ав» и «бен»: отец и сын. Это то, что передаётся от отца к сыну, что составляет верную суть передачи ценностей, что не предаёт, что не меняется на протяжении поколений и цивилизаций. На языке наших мудрецов камни — это ещё и буквы.

Поэтому, посещая могилу близкого человека, мы кладём на неё камень: чтобы сказать, что мы верно храним память о нём и берём её на себя.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Что в нашей семье передалось от отца к сыну, не исказившись? И какой камень мы сами хотели бы оставить тем, кто придёт после нас?